

БАКТРИАНА

БООКВА

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

АНТОЛОГИЯ
ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ФАНТАСТИКИ

БАКТРИАНА

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ЭМЧ

Мельбурн, 2024 г.

Составитель и автор предисловия —
Сергей СЛАВГОРОДСКИЙ

В оформлении форзацев
использованы работы художника
Всеволода ИВАНОВА

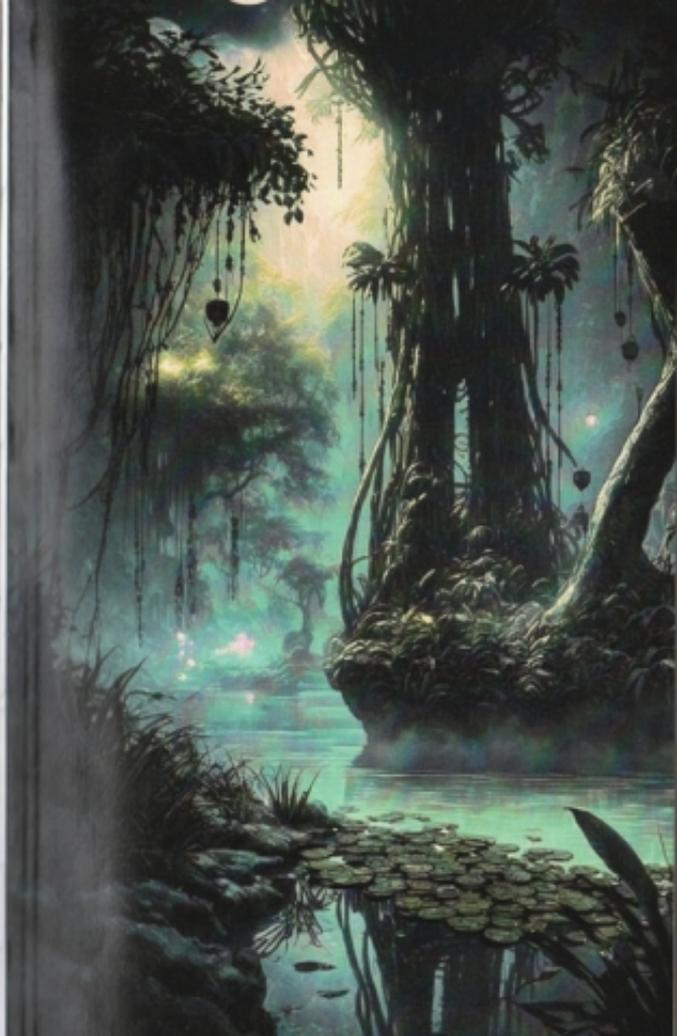
БАКТРИАНА. Антология советской «экспедиционной» фантастики 10-20-х годов. Мельбурн, ЭМУ, 2024. 516 стр., 4/6 илл. + цв. вкл. (Библиотека приключений и научной фантастики).

При слове «экспедиция» сердце каждого любителя приключений начинает учащенно биться от предвкушения чудесных открытий, неожиданных находок и раскрытых тайн. За дальнюю даль, за поворотом новой поворот, - и в конце проложенного маршрута нас может ждать что-нибудь невероятное, какой-нибудь очередной «затерянный мир» или загадочный артефакт...

Правда, сегодня с развитием техники и транспорта таких «белых пятен» и труднодоступных мест на планете остается все меньше. То ли дело, начало прошлого века! Тогда «Всемирный следопыт» и прочие старые журналы наперегонки удивляли читателя подобными сенсационными сюжетами. Это был период расцвета так называемой «географической» фантастики.

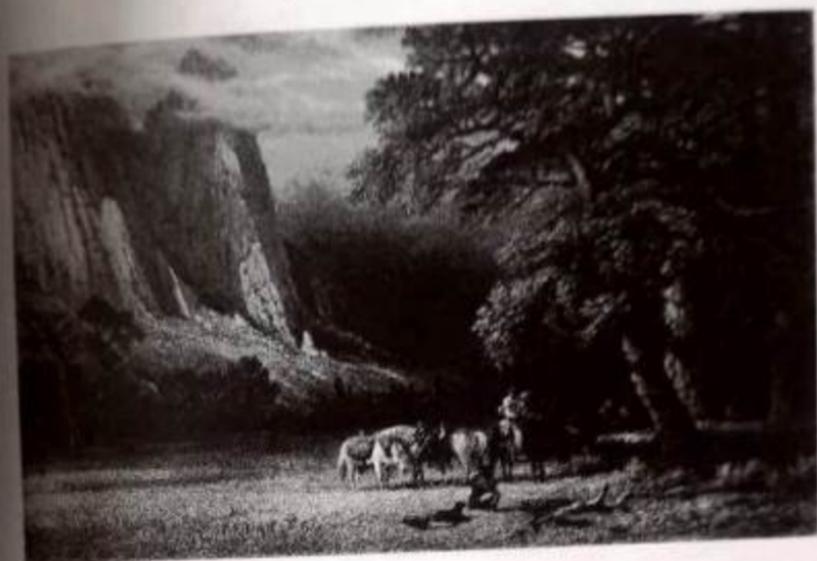
Многие из этих произведений стали сегодня классикой жанра. Остальные забытые раритеты сейчас активно выуживаются из старых подшивок и переиздаются в солидных сборниках на радость коллекционерам. Предлагаемая читателю антология отечественной «экспедиционной» фантастики 10-20х годов добавит в карту затерянных миров и цивилизаций новые названия и неизвестные ранее имена...

© Авторы, текст
© Художники, илл.

РЮКЗАК НЕВЕРОЯТНЫХ ИСТОРИЙ

(от составителя)

...Дай руку, пытливый читатель-коллекционер! Забудь на время про ноутбук, смартфон и телевизор. Эта антология отечественной экспедиционной фантастики, первый том которой носит емкое и загадочное название «БАКТРИАНА», приглашает тебя в необычайное путешествие по страницам старых книг и журналов начала прошлого века.

Для начала вспомним, что такое экспедиция? Это *«отправка группы людей в длительный поход или путешествие в определённое место и со специальной целью»*. Наша экспедиция сформирована. А проводниками в ней выступят, сменяя друг друга после каждого привала, малоизвестные, а то и вовсе неизвестные российские литераторы той далекой эпохи. И моя задача вас с ними немножко познакомить. Ведь именно эти люди, благодаря своей изобретательной фантазии, определили каждый в свое время маршруты и цели нашей экспедиции...

С места в карьер мы сразу отправляемся в горы. И не куда-нибудь, а на укрытый тайнами и загадками Тибет. Именно в это самое место пригласил в 1910 году читателей журнала «Вокруг» автор, укрывшийся за подписью «*д-р А. Кузнец*». Во главе экспедиции англичан под командованием майора Седжмена двинулся на ночевку в горном буддийском монастыре Нганга, где на загадочное предупреждение местного проводника о том,

женку прозы «Ачи и другие рассказы», откуда мы взяли для нашей антологии новеллу «Месть идолов». К рассказчику обратилась за помощью некая госпожа Г., которая попросила снасти ее помещанного сына. «Выброшенный мутными волнами революции и гражданской войны в Сибирь, он долго скитался по степям Монголии и забрал, наконец, в Уру, где она, благодаря случайному знакомству, отыскала его». Под гниющим несчастный Александр рассказал про свой ужасный поход за сокровищами, которые охранял истукан в древнем буддийском монастыре, затерянном в горных отрогах Хингана. Эта мистическая история оказалась овеянной тибетскими легендами и магическим искусством шаманов...

В этом же году в московском издательстве «Пучина» вышел отдельным изданием фантастический роман некоего Александра Клемента «Пад аном морским». Ни в одной из библиографий отечественной фантастики он не упомянут, что заставляет подозревать, не имеем ли мы дело с переводной беллетристикой. Во всяком случае, никаких сведений об авторе найти не удалось. И все же предлагаем отправиться вслед за этим загадочным проводником в подводную экспедицию на недоступный никому остров Ло-Хо, где нас ждут поиски кладов, знакомство с племенем обезьянолюдей и другие невероятные приключения на дне моря...

А теперь еще один рыбак — теперь уже на жаркий Восток. Мы переходим к произведению, давшему название этой антологии. Наш проводник — писатель, историк и дипломат Николай Ревич. В Гражданскую войну был начальником секретно-информационного отдела Юго-Западного фронта при Ф. Дзержинском. Затем пять лет находился на дипломатической службе, исполняя обязанности генерального консула в Афганистане и Турции. Служил в Наркомпросе, — но был уволен оттуда за пропаганду фокстрота и джаза. Два раза был репрессирован, но все-таки выжил — и умер только в 1976 году, написав немало добротных мемуарных книг. В 1928 году Ревич опубликовал в «Рабочей газете» фантастико-приключенческий роман «Бактриана» о тайной экспедиции лорда Пальмура, востоковеда и по совместительству агента британской разведки, в таинственный Кафирнистан — затерянное среди гор и нескон государство, созданное потомками древних бактриан. Восток, как известно, — дело темное. Поэтому придворные интриги, любовь к прекрасной царнице Бактриане, экзотика, фантастика и эротика сочетаются в этом романе с событиями «Большой игры» в Центральной Азии и войны в Бухаре.

...Ну, а теперь, переполненные впечатлениями от захватывающего путешествия, сделаем привал и отдохнем. Однако, предупреждаем: наша экспедиция еще не закончена! И впереди нас ждет еще немало приключений по страницам старых книг и журналов во втором томе антологии экспедиционной фантастики 30-40-х годов «КАРАФУТО».

Сергей СЛАВГОРОДСКИЙ,
г. Артем Приморского края

А. Куняев

В ТАИНСТВЕННОМ
ТИБЕТЕ

1910

Я очнулся вследствие какой-то тупой боли в области гор-тани. Мозг отказывался работать; неизъяснимо приятная истома овладевала мною... но эта боль настойчиво будила мое сознание. Сбросивши оцепенение, я почувствовал, как что-то теплое извивается около моего тела. Не будучи еще в состоянии открыть глаз, я в ужасе представил себя в подземелье, наполненном змеями. Похолодев от этой мысли, я напряг все силы и, наконец, открыл глаза.

Оказалось, что я лежу на ковре в том же роговом зале и ко мне прильнула, буквально присосалась к шее... женщина!.. Одетая в красное свободное платье, с изыщно прической — она походила на падшего ангела своею дивной красотой, чувственными черными глазами и демонскою улыбкою. — С от-вращением оттолкнув ее, я увидел ее protrнутые вперед губы, с которых капала кровь, моя кровь!..

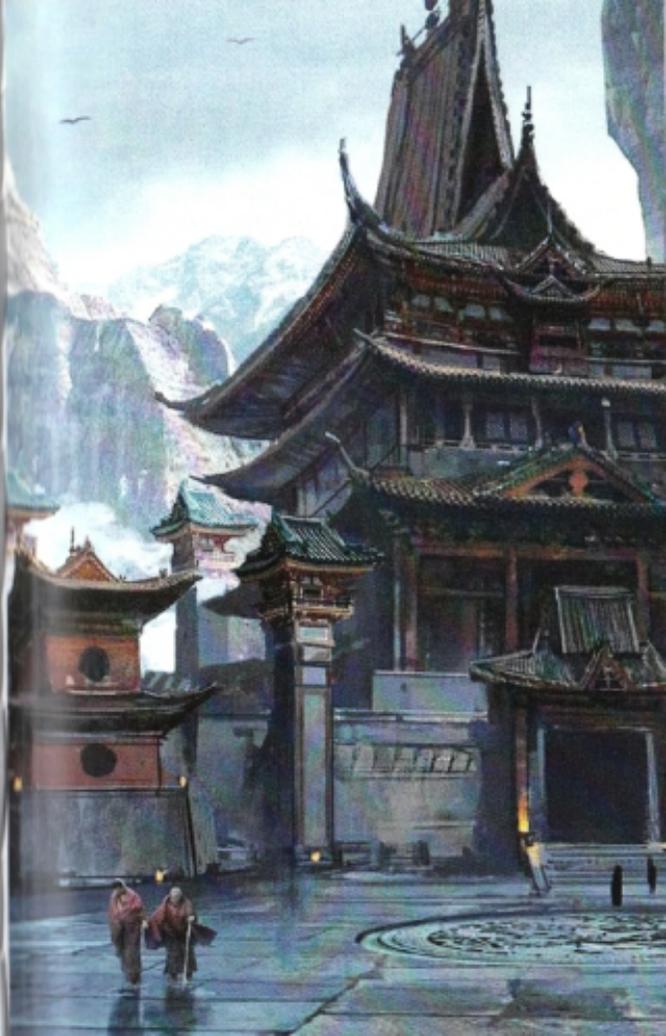
До сих пор не могу без ужаса вспомнить, как она, держа меня крепко руками за шею, шептала:

— Ты убил моего мужа... это хорошо. Лишнего рта не будет... мы давно голодали... какой вкусный!..

С этими словами фурия снова впилась в мою гортань. Обезумев, я бился, стараясь освободиться... но силы исчезали. Помню, что молнией пронеслась у меня в этот момент почему-то мысль, что несчастная сошла с ума под влиянием смерти мужа... Я чувствовал, как она рвет зубами мускулы моей шеи и с силою присасывает горячую кровь... чувствовал, что изнемогаю.

Внезапно вспомнились мне рассказы о «вампирах». Гадливое омерзительное ощущение причиняло мне невыносимые страдания, и я жаждал поскорее желанного конца. Затем нить сознания прервалась...

Я снова очнулся... на этот раз от странного шума. С трудом подняв отяжелевшие веки, я увидел, что рядом со мною боролись два человеческих существа. Присматриваясь, но еще не будучи в состоянии двинуть ни единым членом, я узнал, к своей страшной радости, Гобая, душившего женщину, со-савшую перед тем мою кровь. Беспokoйство снова начало ов-

Через полгода после перенесенных мною испытаний, завершившихся страшным взрывом проклятого дома, когда мы снова выехали в монастырь с Седрименом для выручки товарищей, я посетил военный госпиталь в Калькутте, где лежал Гобай, оправляясь после полученного им тяжелого травматического невроза.

Мы тогда нашли его в бессмятстве недалеко от места катастрофы: все остальные — драгуны и Бентос — оказались погребенными в груде развалин...

Снова мы вспомнили с ним пережитое. Он рассказал, как снова вошел в дом Раджинальда, после того, как расстался со мною. Но удушливый запах заставил его сейчас же уйти отсюда. Едва он вышел на улицу — раздался сильный взрыв, которым его далеко отбросило и ошеломило. Вероятно, какой-нибудь солдат пролез в отверстие и занес огонь в лабораторию...

Затем Гобай рассказал мне нечто такое, что в первое время заставило меня, как врача, задуматься над его болезнью, поразившей, по-видимому, и психику.

Оказалось, что за эти полгода Гобай вел своего рода «сыск», для чего временами уезжал из госпиталя с разрешения врачей.

Куда он ездил, с кем вел обширную переписку, — оставалось тайной.

Данные, добытые им, настолько странны, что приведу его рассказ, врезавшийся мне в память, дословно:

«Сэр Раджинальд был профессором химии в Кэмбридже... (Гобай было трудно выражаться вследствие болезненного изменения речи.) Странно богатый, но безразветственный, низкий человек... Пресытился всеми удовольствиями... в то же время, как трусливый заяц, боялся страшно смерти... Всё искал новых наслаждений, но таких, какие бы не разрушали здоровья. Морфий, алкоголь, женщины — презирал как влекущих к гибели...

Во время своих лабораторных исследований он сделал какое-то открытие, весьма важное для него. Так как это открытие по своим свойствам не должно было быть никому известным, он отправился с женою и своим приверженцем в добродушную, мистическую страну... Это был Тибет; доктор!.. Благо-

даря знаниям и железной силе воли он сумел попасть туда, куда так трудно проникнуть европейцу... Он сумел навести суеверный страх на туземцев, которые, точно в гипнозе, делали для него всё... целые караваны возили ему части машин и приборов...

Наконец настал день, когда они, изнемогши совершенно, опустились беспомощно на землю и стойчески стали ожидать смерти. Скорбные мотивы траурной меланхолии наполнили их уставшее существо тоскливыми видениями, внушавшими страх и немощь перед жизнью, перед ее взлещением и суровой неумолимостью. И тихая утешительница-смерть неслышно приближалась к сраженному, немощному «я», с убаюкивающим шепотом, с вечной сказкой великого локка, великой нечувствительности, великого безразличия. Томная смертная страсть овладела душой, расцветая осенними цветами, тихо звуча серебристыми шепотами, преображаясь в бледные видения...

Но в тайниках подсознательного «я» бурлит невидимый поток тысячелетней жизни, по временам умеряющий свой пыл для того только, чтобы с тем большей силой вырваться на поверхность сознания. И кажется, когда затихает его шум, что само существование его невозможно и призрачно; кажется, что он бесследно исчез в неведомых душевных глубинах... Только, когда заплещется вновь бурный поток, когда заиграют его водопады и заискрятся сонмом огней бесчисленные брызги его — он снова властвует над замирающим духом, он снова властно поднимает заглушенные силы тела.

И жизнь поет победную песнь над побежденными призраками немощи, отчаяния, смерти...

Вечер бросил мягкую темную фату на великий лес.

Далекая бедна неба глнула в лесные недра загадочным взглядом звезд.

Огромная тишина величаво плыла по заснувшему царству вечера.

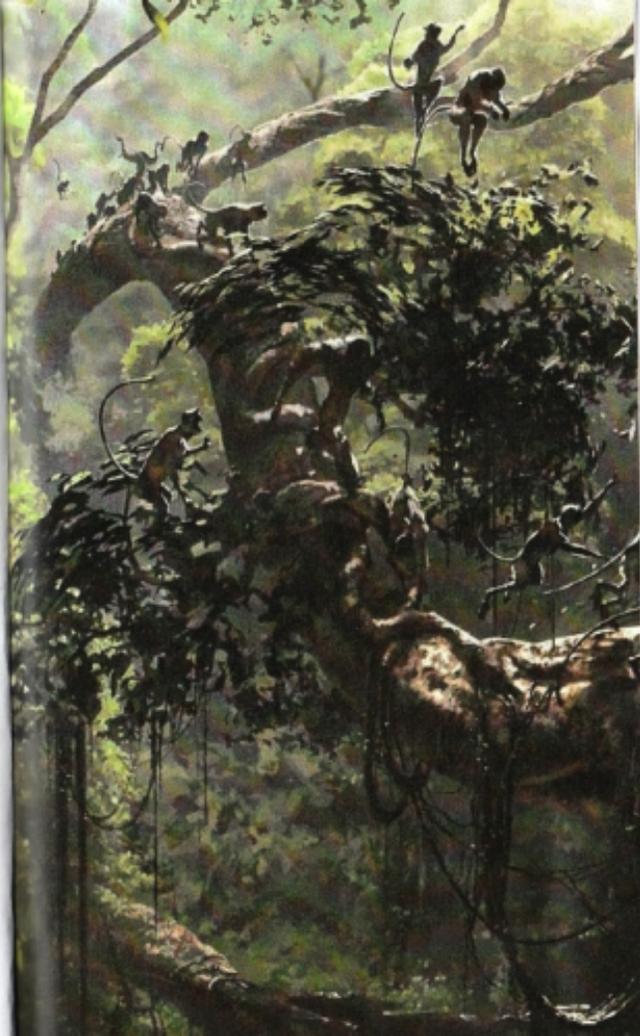
Успокоенный мир точно повторял слова древнего мудреца:

«То, что есть, того нет, — чего нет, то есть».

Арский и Скиндер устроились на ночь. Неизвестная надежда теплилась в их душе. Долго не спали они, устремив взоры вверх. Казалось им, что они так лежат уже давно, что все окружающее их — лишь сонная греза. Казалось им, что они находятся в родных местах, среди близких людей...

И внезапно ослепительный свет сверху заставил Арского и Скиндера оторваться от ласковых видений.

В первую минуту они не могли понять его причины.

Любопытство друзей было слишком велико, чтобы они могли оставаться в своей каюте. Они осторожно выбрались из нее и тихо начали подниматься по лестнице.

Когда Арский и Скиндер просунули головы на палубу, они сначала не могли разобрать, что там происходило.

На палубе стоял сплошной гул, заглушаемый на минуту раскатными передивами громовых ударов, — была гроза.

Темнота окутала мир черной завесой. Только на мгновение bushesавшее море и судно озарили зловещим светом расщепившие в черных безднах неба молнии.

При их свете Арский и Скиндер увидели, что на палубе завязалась смертельная борьба между людьми и освирипевшими, возмущившимися орангутангами. Несколько трупов лежали на палубе.

Люди были застигнуты врасплох, так как защищались не огнестрельным оружием, а тем, что попало под руку. В самый разгар борьбы на палубе появился доктор Фюрет, по-видимому, только что услышавший странную сумятицу наверху.

В одно мгновение он понял все положение и, ворвавшись в середину орангутангов, испустил громовой нечленораздельный звук.

Обезьяны растерялись и, столпившись в сплошную массу, наполнили воздух странным воем не то страха, не то угрозы.

Фюрет несколько раз повторил свой непонятный для Арского и Скиндера крик. Он стоял перед возмущившимися животными грозный и неумолимый. Все время сверкавшая молния освещала его страшные, метавшие искры глаза. Ветер развевал его волосы, и ужас должен был охватить подчиненных животных при взгляде на него.

Он вылавывал по одиночке своих питомцев и, схватив за морду трепетавшего зверя, смотрел ему несколько мгновений при свете молнии прямо в глаза. Животное начинало стонать от этого гипнотизирующего ужасного взора.

Тогда Фюрет передавал орангутанга стоявшим позади него помощникам, успевшим уже запастись железными наручниками. Скованных животных отводили вниз, в каюты, откуда они какими-то путями освобождались.

Возмущение обезьян было усмирено безоружным доктором Фюретом.

На следующее утро море успокоилось.

Малайцы убирали палубу, уничтожая кровавые следы ночной борьбы. Оказалось, что в свалке погиб один малаец, несколько человек были ранены. Попытались жизнью и несколько избитовавшихся орангутангов.

Ночное происшествие казалось бы Арскому и Скиндеру сонным кошмаром, если бы оно не оставило после себя кровавых следов.

Малаец, по распоряжению Фюрста, был похоронен по морскому обычаю, в мешке с грузом. Тела орангутангов были брошены без всяких церемоний в море, предварительно ис-

Профессор и Седельников молчали, а Жуков, подойдя к карлику, пытался заговорить с ним, но уродец только слабо качал головой и беззвучно шевелил ртом.

XII. В подземной стране

Когда кабина остановилась, карлик, все более и более теряющий силы, головой указал на блестящую рукоятку, находящуюся над его диваном.

Стоявший ближе других Седельников повернул рукоятку, и тотчас же послышалось скрежетание железа и чьи-то тяжелые шаги по металлическому помосту. Дверь кабины быстро распахнулась и из темноты сверкнули зелеными огнями два больших, неподвижных глаза.

Путешественники в ужасе отшатнулись и схватились за револьверы, но карлик протянул вперед руку и очертил ей в воздухе широкий круг.

Глаза сразу потускнели, и чудовище, грузно ступая, вошло в кабину.

Седельников и Залесов стояли, не двигаясь, и только Жуков, ранее товарищей овладев собой, с любопытством разглядывал чудовище.

«Кого оно мне напоминает?» — думал журналист и старался восстановить в памяти какой-то давно забытый образ. И вдруг вспомнил.

Это было давно. Тогда он сопровождал богатого сумасброда в кругосветном путешествии в качестве человека, знающего несколько иностранных языков.

Они блуждали по одному из островов Малайского архипелага, и там он видел это. На отмели лежал утонувший малаец, ловец жемчуга, а над его бронзовым телом поднялся на толстых, как стволы дерева, щупальцах гигантский спрут. Он обхватил уже человека и медленно тащил его на глубину. Появление людей привело его в бешенство. Спрут замер в напряжении своих чудовищных мышц, а наверху, над небольшим мясистым телом, злым фосфорическим огнем загорелись глаза.

Таково было и явившееся на зов карлика чудовище.

Казалось, что его тело и особенно конечности сплетены из крепчайших канатов; мускулы двигались, напрягаясь и выпячивались под гладкой кожей.

Он с трудом успокоился и начал что-то обдумывать, быстро ходя по комнате.

Потом подошел к пленникам и сказал:

— Выходите!

Он вывел их на волюю, усадил в автомобиль и приказал рамису ехать. Когда они добрались до главной дороги, он знаком показал чудовищу, что хочет ехать вдоль реки и, достигнув тошнела, пустил рамису вперед, а сам со своими спутниками шел за ним. Он усадил всех в кабину и, приказав ждать, вместе с покорным рамисом возвратился к автомобилю.

Надо было во что бы то ни стало отыскать и доставить сюда Седельникова и Залесова, и журналист решил ехать к дому карлика.

Он сделал несколько повелительных движений перед лицом испуганного рамиса и грозно топнул ногой.

Автомобиль быстро мчался по дороге, но, въехав в ту часть ее, где по сторонам начинались уже поля, Жуков услышал в разных местах долины громкий треск, напоминающий выстрелы. Со стороны озера раздавался тревожный вой рамисов, и целые толпы их бежали через поле, потрясая руками и тяжелыми железными палками.

Жуков понял, что треск был сигналом тревоги и что рамисы бежали кому-то на помощь.

Мгновенное решение созрело в голове журналиста.

Бой с чудовищами неизбежно должен был закончиться поражением людей в тот миг, когда был бы выпущен последний заряд.

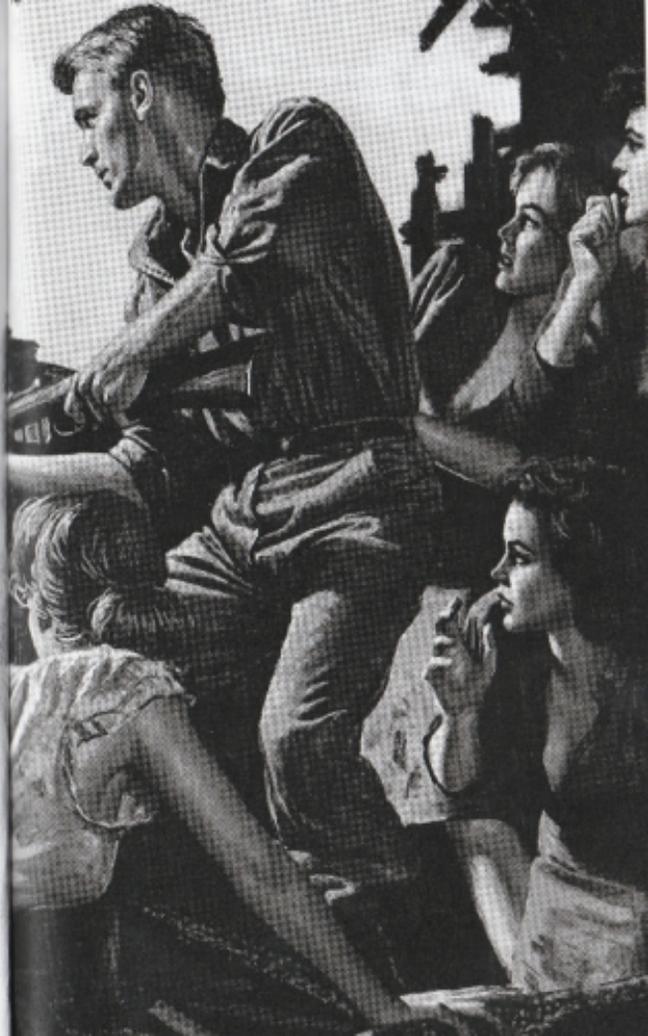
Боя нужно было избежать, и Жукову казалось, что он нашел для этого способ.

Он направил автомобиль к озеру и, остановившись у входа в подземелье, внимательно осматривал местность.

Недалеко от отверстия шахты он увидел могучий пидластр, а из его вершины тянулись к своду толстые змеи проводов.

На это и надеялся журналист. Он быстро подбежал к колонне, увидел в ней дверцы, быстро открыл их и начал отщипывать провода от металлической пластины, соединенной с подземными кабелями.

Когда он отвинтил последний провод, сзади раздался вой безумного ужаса. Жуков оглянулся, но ничего уже не мог увидеть. Кругом была непроницаемая, слепая темнота.

не разрушает, может быть, потому, что она находится в цепи непрерывного движения, которое называется процессом обмена веществ. А отложившаяся в клеточках мягких тканей известь — вещество мертвое, неподвижное, как заноза под кожей. Вот почему свет камня эту известь уничтожит, а живой клеточке вреда не причинит.

Вытянувшись на мягкой траве, Атамас внимательно слушал речи своего друга. Возможность отодвинуть старость его развеселила. Лицо засветилось добродушной улыбкой.

— А мы бы с тобой, Багир, не прочь помолодеть, — произнес он.

— Еще бы!.. Горечь старости — не перец во щах.

— Что же для этого надо сделать?

Багир уверенно мотнул головой и ответил:

— Добьемся... Мы уже начнем омолаживаться. Это заметно по всем нашим движениям. Камень действует на нас просто своей близостью к нам. И чем это действие непрерывнее, упорнее, тем, конечно, быстрее должны совершаться в нашем теле соответственные перемены. А на дальнейшие, специальные приемы укажут нам время и опыты... Тут мы новички, придется идти оцуюю.

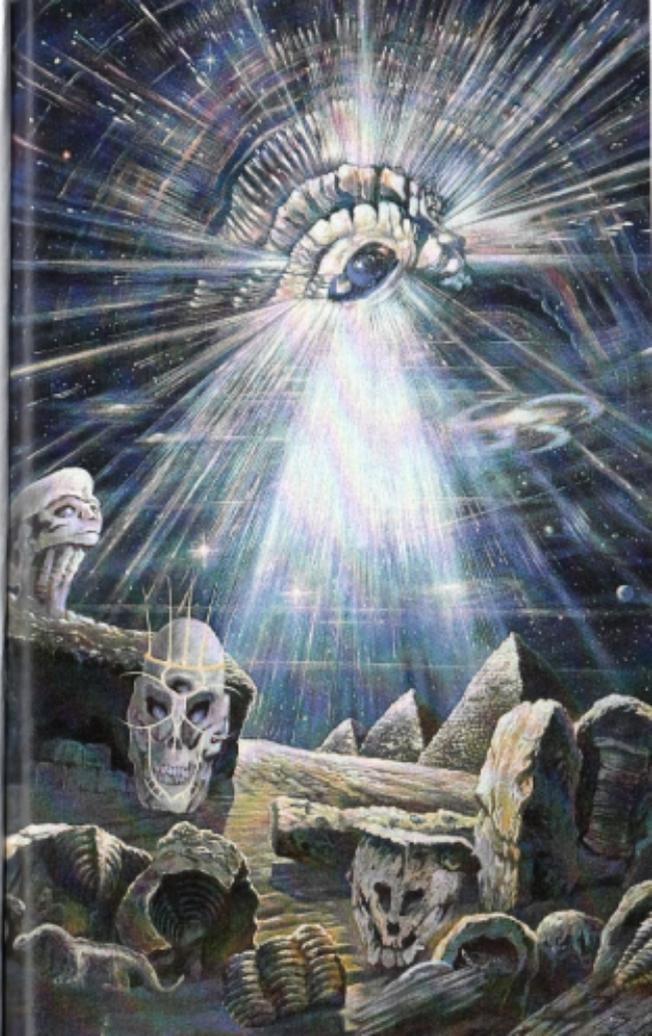
VIII

Золото в песчанниковой чашке накопилось. Со стенок чашки Багир легко снял первый пласт толщиной в бумажный лист.

Долго все любовались видом этой тонкой золотой чашки.

— Вот что меня удивляет, — сказал Багир, рассматривая чашу; — наблюдения нам показали, что свет камня разрушает металлы. А тут мы видим обратное: под влиянием света камня создается металл.

— Знаешь, это почему, — заметил Гази; — свет камня разрушает уже готовый металл; так у нас было с монетой, с железной коробкой... Здесь же готового металла нет. Свет камня занят работой уничтожения серы. И если сернистую воду заменить простой водой, — свет камня уничтожит и эту золотую чашу.

— Вот и пример преобразования жизни, — заметил Гази, внимательно осматривая серую пыль, в которую обратилась скорлупа после улетевших цыплят.

— О, да... и удивительный пример! — подтвердил Багир. — Он показывает, что в лучах света нашего камня жизнь совершенствуется: от курицы, с негодными для летания крыльями, появились дети, прекрасно летающие... Этот пример многому нас научит... А теперь сделаем вот что: орлиное гнездо на Красной скале знаешь?

— Знаю.

— Чтобы пробраться к нему, надо быть цепким, как ящерица, и смелым, как голодный волк.

Гази, улыбаясь, сказал:

— Я тебя понимаю... Я готов.

— Прекрасно... Достань орлиное яйцо... Потом пару яиц черепахи: одно подвергнем свету камня, другое вольем в яйцо орла так, чтоб зародыши соприкоснулись, и тоже поместим в лучи света... На этом опыте еще раз надо убедиться в преобразовательной способности таинственного света.

Гази отыскал нужные яйца и проделал с ними все по указаниям Багира.

Выводки получились очень странные.

Из яйца черепахи вышла черепаха, покрытая, вместо панциря, чешуей, и быстро бегущая. По недосмотру, она вскоре бесследно исчезла. Из пары смешанных яиц развился уродливый двойник: существо с двумя головами, черепашкой и орлиной, с крыльями, с шестью ногами в разных местах тела;

передняя часть тела была покрыта перьями, а задняя — роговой чешуей; короткий хвост был из перьев.

Этот орел-черепаха несколько дней прожорливо питался травой и, собравшись с силами, сделал попытку улететь. Его не пустили и стали держать на привязи. Очень скоро он достиг крупных размеров и легко приручился. Когда убедились, что он привык к дому, его освободили от привязи. Сильными взмахами крыльев он быстро поднимался ввысь, взлетал на соседние скалы и возвращался неизменно с зеленой веткой в орлином клюве и с живой ящерицей в черепашьем рту. Он очень привык к людям, отличался большой смелостью и потешал всех своей обидчивостью, когда на него не обращали внимания.

Все были рады присутствию этого неожиданного гостя. Он оказался незаменимым помощником в хозяйстве: понятливым, исполнительным, неусыпно-заботливым и преданным до самопожертвования.

Следя за движениями орла-черепахи, Багир с удивлением говорил:

— Какой чистый кристалл того, что в человеке называют «душой»!.. Черный камень — чудо-камень!..

X

Исследователи на опытах убедились, что свет камня омолаживает ткани, заживляет раны, быстро освобождает от утомления, усиливает деятельность всех органов чувств. Багир приписывал камню могучую силу при лечении всяких болезней.

— Как мало мне надо теперь, чтобы стать знаменитым врачом! — мечтательно проговорил Багир.

Всматриваясь в его лицо, Гази заметил:

Матрос прошел мимо, не видя меня. Я слышал свист его дыхания. Он шел, как пьяный, навзгоса. Стучали его красные, подбитые медными гвоздями каблуки.

Матрос упал ничком. Его плечи заколыхались...

Я вцепился в железный косяк, я крикнул в темноту, в пар лаборатории.

— Мертвый встал, мертвый!

— Не мертвый, а спящий...

Шурясь от света, Андрэ показался на пороге. Он опускал засученные рукава халата. Он был похож на хирурга после операции. Мокрые волосы космами прилипли ко лбу. Лицо было влажным, красным, и улыбалось каждой резкой морщиной.

— Опыт оправдал все. Вы видите, он проснулся...

— Анабиоз, — прошептал я, — анабиоз.

— Да, я вернул замерзшему нормальную температуру...

— Там, у Золотого Пика, во льду лежит еще замерзшая...

Девушка...

— Знаю.

— Вы должны...

— Смотрите, он приходит в себя...

Матрос сидел на коленях, раскачиваясь. Долетало его горланное, хриплое бормотанье. Слова были смутными, тяжелыми, они напоминали старинный немецкий язык.

Мы издали наблюдали за матросом. Вот он подпрыгнул, залясал, горланно гикая, вот повернулся на красных каблуках, увидав нас...

И олинковое лицо заметалось от изумления и тревоги. Волосатый кулак схватил косячную рукоять ножа, висевшего в кожаных ножнах у пояса.

Андрэ выступил вперед. Голландец, трясясь, упал на живот, распластал руки.

Как прибитая собака, на животе, подполз он к Андрэ.

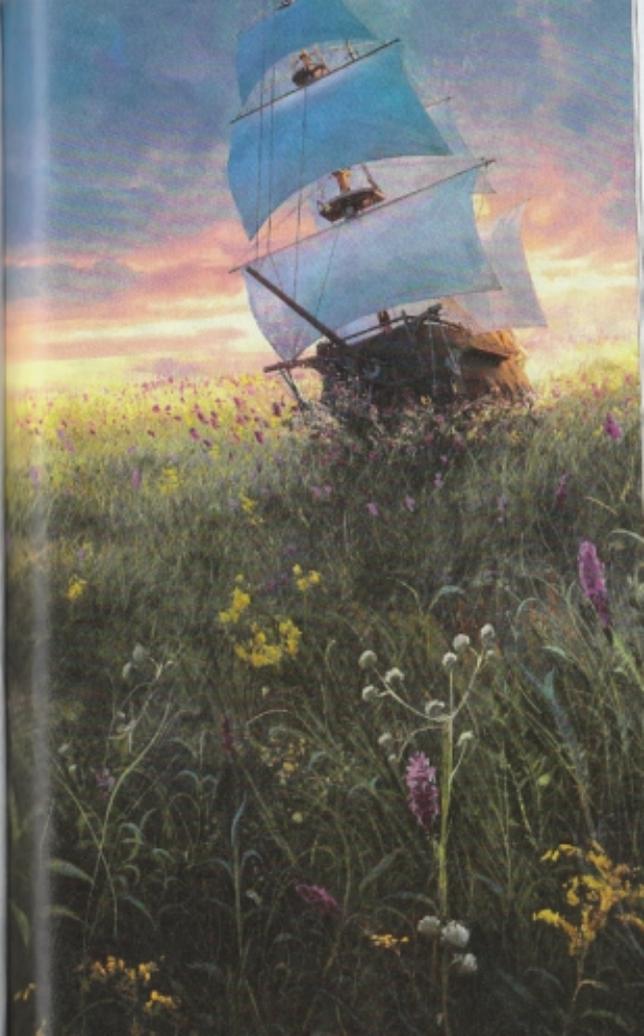
— Да благословит тебя небо, что выпустил меня из тюрьмы... Ван-Киркен не виноват... Господин, за что меня держали в тюрьме, в темноте... Ван-Киркен обмер от мороза и голода...

— Встаньте, вы ошибаетесь, — Андрэ коснулся его плеча.

— Я не держал вас в тюрьме...

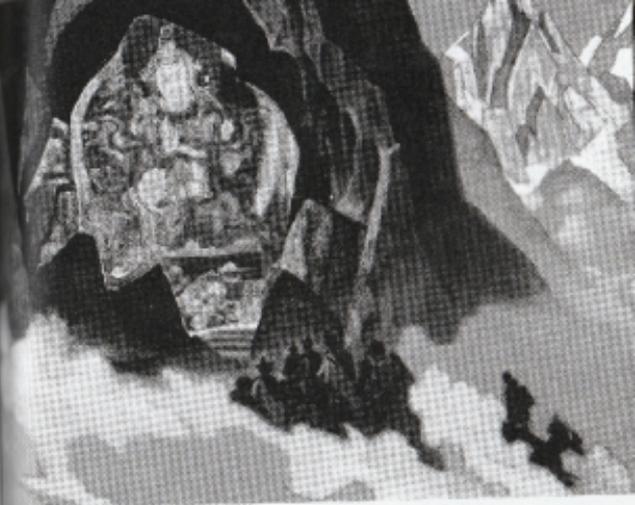
Голландец бросил быстрый взгляд на меня. Желтоватые белки блеснули.

Созвездие стояло высоко. Оранжевая заря потускнела. У бортов корабля, как толпы призраков, шныль туман.

сколько услуг и с которым сошелся поближе, рассказал мне... Слушай...

Недалеко на запад, почти до самого берега реки Селенги, подходит отроги горного хребта Хингана, образующего крутые обрывы, скалы, пещеры... В одной из них, углубленной и увеличенной человеческими руками, находится идол главного монгольского божества, Хэрлик-Хана, которому поклоняются все северо-монгольские племена, исповедующие шаманизм... Ежегодно верховный шаман, единственный человек, знающий вход в пещеру и имеющий право доступа в нее, относит богу жертвы, собираемые им за год среди верующих, для умилостивления истукана... Мой знакомый монах, буддист, ненавидящий шаманистов, выследил как-то главного шамана и выяснил положение пещеры... Он подробно описал мне... вот... — Владимир вынул из бокового кармана план, — видишь... Здесь Селенга... вот Хинган... кружком отмечена человекоподобная скала... а вот, стрелой и красным крестом — заветная пещера истукана...

Подумай только, — продолжал Владимир воодушевляясь, — шаманы верят в мистическую силу своего идола и в то, что он сам может защитить от нескромного взора свои сокровища... Поэтому, пещера никем не охраняется, и перед деревянным истуканом валяются груды золотых и серебряных вещей... Что потеряет великий Хэрлик-Хан, если мы заберем, — нет, не все — Боже упаси! — а только частицу, микроскопическую частицу тех бесполезных богатств, которые лежат у его ног... Помнишь — Сакия-Муни... Один я не решился отправиться в пещеру — доступ к ней очень труден — и нужен верный друг и товарищ, который будет помогать при спуске и подъеме — и следить за входом в пещеру, пока я буду внутри... Бог свел нас — мы должны решиться на это!...

После некоторых колебаний, Александр согласился на предложение друга — и через два дня молодые люди, верхом на выносливых монголах, с револьверами в карманах и палитками за спиной, с мешками и перевязками у седла, запасшись фонарями и провиантом на несколько дней, тронулись в путь на запад...

ми, — вспомнилось объяснение Владимира. — Но Володя ждет... Не надо медлить...

Мрачно сверкнули глаза истуканов при свете направленного на них фонаря... Драконы оскалили зубы... Они, вероятно, поставлены для охраны этих богатств...

На полу пещеры раскиданы, в полном беспорядке, груды золотых и серебряных вещей, монет, слитков, амулетов...

Александр поспешно берется за мешок... Однако, руки не хотят повиноваться ему... Пальцы онемели... В ушах шумит и звенит... В висках стучит так, что вот, кажется, голова лопнет...

Но вот — мешок снят и разостлан... Скорее за дело... Как бы удобнее устроиться...

Александр с трудом опускается на колени... Ноги и руки ломят... в поясище тупая боль... Как, однако, кружится голова!..

— Что это?... Браслет, серьги?... Все без разбора в мешок...

— Странно, на коленях перед идолом, — мелькнула мысль... — Повернуться спиной к нему...

Однако попытка не удалась... Он остался в прежнем положении...

— Какая духота... и сырость вместе с тем... Силы на исходе... скорее... Мешок уже наполовину полон... Еще немного... еще... Да мне и так не поднять его...

Юноша с трудом поднялся, но покачнулся и упал... Лучи фонаря снова скользнули по идолу... Насмешливо блеснули его бриллиантовые глаза...

— Он еще смеется, проклятый Хан, — крикнул Александр, придя в ярость... — Так вот же тебе!...

Вскочив на ноги, он схватил груды металлических вещей и швырнул их в истукана... Что-то звякнуло, треснуло...

— Вор, — прошептал тихий голос... — Вор, — вздохнул идол... — Вор, — повторили драконы...

Жуть схватила юношу... Скорей мешок... вон отсюда... Напрягая последние силы, он взвалил мешок на плечи... Фонарь упал и погас...

— О, черт! Как же выбраться отсюда в такой темноте!...

Мешок оттягивает плечи... Нет, надо выбросить кое-что...

— Не жадничай слишком, — припомнились слова Володи.

Несколько предметов выпало из мешка на пол...

— Вор! — прозвенел браслет... — Вор! — звякнули серьги...

— Вор! — брякнул золотой слиток, — Вор, вор, вор, вор! — затрещали вещи под ногами...

Аконт принес фонограф в каюту, куда поселили Человека с женой. Фонограф должен был записывать беседу Человека с женой и сыном. Перевод этой беседы на французский язык записывал другой фонограф.

Такой же аппарат установили в лазарете, где записывались звуки, произносимые Икарсом. Икар чувствовал себя уже хорошо, но ушиб ноги не позволял ему двигаться и, лежа на койке, он напевал какие-то песенки. Когда были получены первые пластинки, Аконт вставил их в граммофон и пустил с сильно замедленным ходом.

Сопоставляя слова и звуки, он начал анализировать звуковой состав речи семьи Человека и составлять словарь.

Быстрее всех с новым положением освоилась собачка из поддонного замка. Это было взлохмаченное существо, полное первобытной энергии. Она была всюду, но привязанность свою изливала красавице. Запах ли платья, или что-то другое, безусловное, говорило так много простому собачьему сердцу.

Команда была совершенно спокойна. Макс решил наблюдать и не вмешиваться без нужды в естественный ход событий.

Таким образом протекала жизнь в течение первой недели.

На восьмой день Аконт рано утром поднялся на палубу с тем, чтобы снять ящики, поставленные при выходе из гавани, и был поражен каким-то шумом, раздававшимся над головой. Он поднял глаза вверх — и застыл от неожиданности. Над яхтой кружил аэроплан.

Вахтенный уже доложил об этом капитану, капитан — Максу, — и оба выходили на палубу в тот момент, когда Аконт далеко назад закинул голову.

Аэроплан кружил, снижался. С какой целью? Он спустился настолько низко, что можно было различить сигнализацию флажками. Теперь видно было, что это гидроплан.

— Свои. Ловите записку.

И к ногам Макса упал тяжелый предмет. Его быстро подняли. Это была металлическая коробочка. В ней записка. В записке написано:

«Мы летим в район острова Ло-Хо спасти «Разведчика». Очевидно, вы оттуда — других судов мы не встретили в этом районе. Не видели ли «Разведчика»? Какое направление? Сигнализируйте флажками».

Глава XX ПРАЗДНИК В ДИРЕ

вспомнил слова Робертсона:

«Пляска играет важную роль в интимной жизни кафириков; она бывает то религиозным обрядом, то зрелищем или развлечением. Кафиры пляшут и тогда, когда счастливы, и тогда, когда повергнуты в печаль».

Бедный сэр Дж. Робертсон! Он был политическим агентом в Чилинге, где раньше служил врачом. Его начальником был полковник Дюранд — туной солдат. Когда Робертсон получил разрешение поехать тайно в Кафиристан для того, чтобы изучать страну, где никогда не бывал европеец, Дюранд пожаловался начальству, что его врач вместо того, чтобы лечить больных, занимается научными путешествиями. К тому же, Робертсон не попал в Кафиристан и начал его описывать по племени сиянущей, где он пробыл почти что пленником около года. Это все равно, что по бушменам*, живущим в английской Южной Африке, судить о том, как живут англичане в Лондоне. Переправляясь через Инд, Робертсон потерял все фотографии и большую часть материалов, и этим окончилась первая неудачная попытка европейцев проникнуть в Кафиристан.

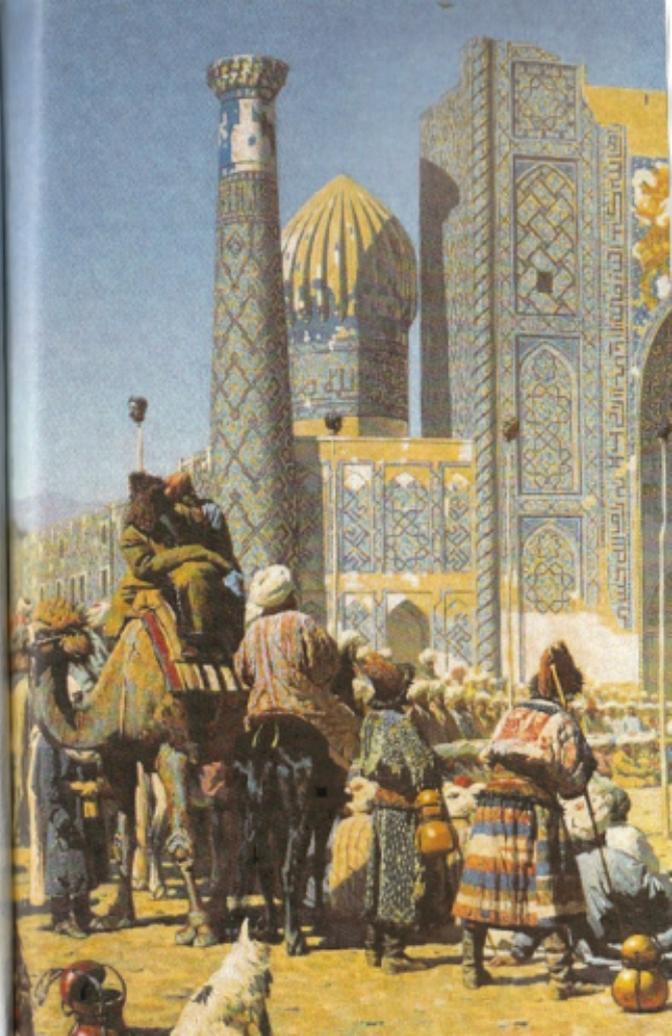
Но в данном случае Робертсон был прав: в Кафиристане танец, так же, как и спорт, являются такой же необходимостью, как еда и сон.

В этот день все здания в городе были разукрашены цветными гирляндами, на улицах и площадях стояли триумфальные арки для будущих победителей, а празднично разодетая толпа со всех сторон стягивалась к стадиону.

Это был праздник в честь Гиса — бога войны.

Мне подали того самого коня, на котором я ехал первый раз в Совет Тринадцати. Неизменный Джаст ехал рядом со мной. Вокруг нас переливалось человеческое море, шума и волнующая. Женщины, мужчины и дети с венками на головах, одетые в синие, желтые и красные туники, с веселыми шутками

* Бушмены живут в Южной Африке. Они по своему развитию стоят на самой низкой ступени культурного развития. Бушмены — малого роста, цвет кожи у них от светло-желтого до темно-коричневого. Ведут бушмены бродячий образ жизни.

Содержание

<i>Сергей Славгородский</i> Рюкзак невероятных историй (от составителя)	3
<i>А. Куняев</i> В таинственном Тибете	9
<i>Владас Дубас</i> В царстве жар-птицы	33
<i>Фердинанд Оссендовский</i> Женщины, восставшие и побеждённые	73
<i>Г. Рукавишников</i> Чёрный камень.	167
<i>Иван Лукаш</i> Зелёный остров	209
<i>Давид Барлен</i> Мечь идола	265
<i>Александр Клемент</i> Под дном морским	279
<i>Николай Равич</i> Бактриана	409

